

Махмуд САЛИМОВ

*...Главное — найти волка,
который поведет вас правильным путем!*
Эмир Кустурица, «Кустендорф»

В один из осенних дней, когда все ждали первого снега, промозглая, дождливая и слякотная погода превратила улицы в грязное месиво. Проселочные дороги, разбитые колесами тяжелых повозок, заставили людей отложить свои дела до лучших времен.

Если кого нужда и заставляла выехать в непогоду, то он вынужден был, проклиная свою долю, месить дорожную грязь. Возчик понукал изнуренную лошадь, и, пытаясь хоть как-то помочь ей, подталкивал тяжелый воз. Но чернозем вперемежку с пожелтой придорожной травой опутывал колеса липким месивом и мертвой хваткой держал их так, что никакая сила не могла сдвинуть с места уже окончательно застрявшую телегу. В конце концов, возчик, осознав тщетность своих усилий, распрягал измученную лошадь. Оставив поклажу без присмотра, совершенно выбившись из сил и не находя даже слов для проклятий, он медленно брел домой, а за ним, опустив голову и чувствуя свою вину перед хозяином, слегка прихрамывая от усталости, тянулась мокрая лошадь.

Потом неожиданно дожди прекратились, яркое осеннее солнце уже не гре-ло и лужи на улицах не оттаивали к полудню. Погода, безветренная и морозная, сковала озера и кромку реки ненадежным тонким льдом. Природа затаилась в ожидании первого снега.

Лес на холмах, за рекой, привычного темно-зеленого цвета, внезапно в лучах осеннего солнца расцвел красными, золотыми, фиолетовыми и другими невообразимо буйными красками. Только гора Янтуаль, облысевшая за долгие годы, среди этой яркой палитры смущенно возвышалась над рекой и пыталась удержать на своей макушке солнечные лучи. Но оранжевое солнце, почти касаясь вершины, медленно проплыло над горой, так и не обогрев ее. Оно выглянуло только для того, чтобы проверить мимоходом, все ли в порядке, и, торопливо пробежав по краю земли, снова укрыться за холмами. Осенний путь солнца недолог.

Луна в этот утренний час не спешила покинуть небо. Она всю ночь трудилась, освещая землю хоть и холодным, но все-таки светом. Теперь она, потускневшая и прозрачная под утренними лучами солнца, застыла на противоположной стороне, где сумерки еще цеплялись за небольшие холмы и прятались в оврагах.

А недавно луна, совершенно ущербная, похожая на обточенный оселком серп, вдруг исчезла. Темные ночи в это унылое время укутывали селение сонным ожиданием зимы. Бесчисленные звезды, воспользовавшись отсутствием ночного светила, устремились поближе к земле, ярко и весело замерцали над крышами домов.

В такие темные ночи кто-то наверху как будто выбивал кресалом огонь. И после каждого удара звезды маленькими искорками рассыпались по ночному небу, а некоторые из них, освещая на короткий миг свой путь, срывались в последний полет. Осенний звездопад неожиданными яркими линиями продолжал освещать ночное небо, и в этот сказочный короткий миг человек жалел, что не успел загадать желание. А кто успевал, у того появлялась надежда на скорое исполнение мечты.

И человек, восхищенно вглядываясь в небесную красоту, пытался рассмотреть Млечный путь и скачущего по этой сказочной дороге крылатого коня — Тулпара, который когда-то вознес в небеса Пророка. Чистый морозный воздух наполнял душу восторгом и надеждой.

Прошло несколько дней, и однажды ночью звезды вдруг потускнели и отделились от земли, уступая место зарождающемуся месяцу. Луна сначала нерешительно, как бы стесняясь своего обновленного облика, появилась из-за холмов. Осмотревшись, уверенно поплыла вверх, и все увидели, какая она стала изящная, тонкая и веселая. Готовая к новой жизни, она сияла и теперь была похожа на цыганскую серьгу, начищенную до блеска речным песком. Каждый вечер, жизнерадостная и заметно пополневшая, она выплывала из-за леса, а сегодня, уже совершенно круглая, всю ночь освещала землю.

Как и все, луна с нетерпением ждала первого снега и мечтала раствориться в белой пелене, а потом вырваться из нее и, отразившись на инее мириадами искр, заполнить все вокруг блестящим сказочным светом. А пока она с интересом смотрела с высоты и удивлялась тому, что натворила осень на земле.

Холодный осенний ветер сорвал последние листья с деревьев, а темная ночь стерла все краски вокруг. Полная луна, возмутившись, безжалостно загнала ночную темень в дремучие леса и глубокие овраги. И всепоглощающая черная тьма, вдруг превратившись в скромную тень, спряталась под кронами деревьев, досадуя на свое бессилие перед небесным могуществом.

Неожиданно ночную тишину нарушил жуткий вой, который наполнил окрестности страхом. Это был не призывный клич вожака, собирающий стаю на охоту, а плач обреченного на гибель одинокого волка. Он взывал к равнодушной природе без всякой надежды на помощь, и только луна, хоть и свысока, проявит

сочувствие к несчастному и терпеливо будет слушать его последний плач. Волк, растроганный участием, выложит осеннему месяцу накопившуюся тоску и расскажет о короткой, полной опасностей, но свободной волчьей жизни.

Люди, в отличие от небесного светила, не понимали, о чем так протяжно воет одинокий волк, и поэтому у них не было сочувствия к хищнику. Этот бесконечный, жуткий ночной вой вызывал у человека лишь суеверный страх, раздражение и ненависть к проклятому зверю.

Но среди людей жил Старец, который знал язык зверей и птиц. И в эту лунную ночь он тоже слушал печальный рассказ одинокого волка. Вместе с небесным светилом Старец сочувствовал зверю и переживал за его короткую, полную опасностей, но все же счастливую жизнь.

Говорят, раньше все люди могли общаться с окружающим миром и все без исключения понимали язык зверей и птиц. Человеческая речь была мелодична, состояла из одних гласных звуков и напоминала тихое пение или щебетание птиц. Люди понимали язык природы, подчинялись ее законам, за что она щедро одаривала их своими богатствами.

А потом человек возомнил себя царем природы, язык его стал груб, а в интонациях появились повелительные нотки.

Человек стал брать у природы все, что хотел, и потерял в своих желаниях меру. Стремление обладать без всяких ограничений всеми богатствами земли, пренебрежение к окружающему миру нарушили равновесие в природе.

За свою алчность человек и был наказан. Природа не простила ему гордыню. Она спрятала свои богатства глубоко в недра, звери ушли в леса, птицы упорхнули в густые заросли и затаились там, и, самое главное, человек лишился возможности общения с окружающим миром. Он перестал понимать язык зверей и птиц.

Но, к счастью, среди нас остались еще люди, которые понимают природу. Они знают, о чем переговариваются деревья под легкое дуновение ветра, шумит камыш на берегу большого озера, плещется вода на речных порогах и плачет волк в лунную ночь. Они заново открывают людям давно утраченные тайны мироздания и являюся тонкой нитью, которая связывает нас с окружающим миром.

Один из них, Старец, который каждый день слушал тихий шепот, осторожный шорох и легкий шелест природы, был бесконечно счастлив, потому что мог наблюдать, как теплым летним утром раскрываются цветы, и слышать, как тихо звенят колокольчики, приветствуя новый день. Новости же старику приносила на хвосте глупая сорока, она трещала под окнами, перебивая утреннюю песню соловья.

А в эту осеннюю ночь Старец вместе с луной слушал плач волка, его печальный рассказ о короткой, но свободной жизни.

Старец потом много раз пересказывал историю одинокого волка, и люди думали, что это очередная сказка, которую он сочинил. А это была совсем не сказка.

С тех пор прошло много времени, волки ушли из этих мест, говорят, куда-то на север — на свободные земли, и природа без них оскудела.

И сейчас, в один из осенних вечеров, когда за окном идут холодные дожди, когда природа погрузилась в сонное ожидание зимы, когда все с нетерпением ждут первого снега, я вспомнил свое далекое детство и сказки, которые рассказывала мне мама. А вот башкирскую легенду о Белом Волке и сказку о его потомках Вожаке и Белой Волчице маме рассказал тот самый Старец, который приходился ей родным дедушкой.

И сказка начинается с рождения новой жизни...

ПЕРВЕНЕЦ

В начале лета в темном и тесном логове волчица родила пятерых волчат. Слепые и мокрые, они тихо пищали; волчица облизывала их и по-своему успокаивала.

Первенец был крупнее, чем остальные. Первые ласки волчицы достались ему, и он раньше других добрался до материнского молока. С молоком волчонок получил право на жизнь.

Волчата быстро росли, и молока им уже не хватало. В поисках добычи родители постоянно рыскали по окрестностям, а старый матёрый волк охранял логово. Безвольный и добродушный, он целыми днями лежал у логова и обычно спокойно дремал. Иногда, когда волк слышал шорох в траве или скрип ветлы над головой, он приоткрывал затуманенные старостью глаза, недоуменно озирался и снова засыпал под шум листвы.

Матёрый, на первый взгляд, совершенно равнодушный к себе и окружающим, усталый и старый, просто дремал, на самом же деле он был надежным охранником прибылых волчат. Старый волк знал, что эти пока еще совершенно беспомощные щенята скоро вырастут и вольются в стаю, и эта новая сила в будущем позволит им выжить. Большая стая может успешно охотиться на крупную добычу, да и соседи не посягнут на их охотничьи угодья. Он знал, что сила волков в стае.

Матёрый волк лежал, прислушиваясь к нерешительной возне в логове, и ждал, когда же, наконец, волчата наберутся смелости и вылезут из темного убежища. И когда они появились, матёрый лениво приоткрыл глаза и оскалился, одобряя их первый смелый поступок. Яркий свет на миг ослепил волчат. Вокруг все шуршало, скрипело и шумело. Испуганные, готовые в любой миг броситься в спасительное логово, они прижались друг к другу, их маленькие сердца бешено заколотились, напряженные ушки вздрагивали от каждого шороха. Но тут солнечный луч пробился через густые ветки и осветил волчат теплом, ветер приласкал их свежим дыханием. Подрагивающие влажные ноздри волчат учуяли чистый и свежий воздух. Они немного успокоились, хотя все еще продолжали тихо скулить и, шурясь от яркого света, боязливо озираться.

Тут зашуршали листья, приветствуя детей природы. Но птички, затаившиеся среди листвы, тревожно защebetали, увидев маленьких хищников. Волчата снова испуганно замерли. Постепенно глаза щенков привыкли к яркому свету, и первое, что они увидели среди огромного зеленого мира, было безобразное и бесформенное серое существо. Это был старый матёрый волк. Он зевнул, обнажив свои жёлтые, стёртые, но все еще страшные клыки, и волчата, не выдержав, в панике юркнули в нору.

Матёрый был слишком стар, куски шерсти свисали грязными комками с наполовину вылинявшей шкуры, острые лопатки торчали на его сторбленной спине. И это огромное, отжившее уже свой короткий волчий век существо могло испугать не только маленьких щенят, взрослые волки сторонились его и при встрече старались обойти стороной.

Судя по тому, что матёрый дожил до старости, он был хитер и сметлив, что не раз позволяло ему уходить от охотников. Но вожаком он не стал, хотя и был силен. Добродушный характер и лень не позволили ему бороться за свое потомство. И теперь он присматривал за волчатами.

Испуганные волчата долго не появлялись, наконец, один из них осторожно выбрался из логова и с любопытством начал рассматривать волка. Волчонок

осторожно приблизился к нему, и, смешно сморщив нос, зарычал. Этот страшный волчонок и был Первенцем. Последовав примеру Первенца и все еще дрожа от страха, появились из логова любопытные мордашки других волчат. Скоро все они бегали вокруг старого волка.

С этих пор старый матёрый волк забыл о спокойной жизни, волчата прыгали по нему, рвали уши, дергали за хвост. А он лежал и не шевелился, стараясь терпеливо сносить озорство щенят, и только иногда глухо рычал, обнажая свои желтые стертые клыки.

Особенно доставалось ему от Первенца, который был крупнее и сильнее остальных волчат и своим озорством замучил матёрого. Вечно голодный волчонок постоянно крутился возле него и даже подлизывался к старому волку, выпрашивая еду, а когда понял, что пищи не дождетя, внезапно схватил его за нос острыми молочными зубами. Матёрый волк зажмурился от боли, возмущенно фыркнул и зарычал на волчат. Они с удивлением посмотрели на него, не понимая причину возмущения, и на всякий случай отбежали, но через минуту кинулись к старому волку, снова рвали ему уши и дергали за хвост.

В конце концов, переборов лень, волк усталое встал, медленно, тяжело волоча старое тело и прихрамывая сразу на все лапы, пошел к речке, время от времени огрызаясь на увязавшихся за ним волчат. Вздрагивая от прохлады, вошел по брюхо в воду, жадно и долго лакал живительную влагу, и никак не мог утолить жажду.

А выводок, предоставленный самому себе, начинал другие игры. Это была не просто возня, каждый из щенков пытался утвердить свое превосходство над остальными. Первенец, который был прожорливее и крупнее остальных, быстро одерживал верх. Он гонялся за всеми, сбивал с ног, рычал и требовал покорности. Побежденные волчата признавали его главенство и подчинялись ему. Это постоянное соперничество утомляло волчат, и они, усталые, валились с ног и засыпали там, где сон настигал их. Безмятежный сон перебивался только голодом.

Первенец был сметлив и хитер и раньше всех понял, что родителей нужно встречать еще на подходах к логову. Как только вожак появлялся вблизи, волчонок, нетерпеливо повизгивая, бросался навстречу отцу и начинал выпрашивать еду. Он суетливо облизывал волчью пасть и хватал молочными зубами его за нос, заставляя отрыгнуть предназначенную для всех добычу. И сам жадно глотал, захлебываясь и икая, лишь бы не досталось другим. И когда остальные волчата, наконец, учуяв запах пищи, прибежали, то им оставалось довольствоваться остатками еды. Голодные, они крутились вокруг волка, визжали и скулили, требуя пищу. Но кормить их было уже нечем, и вожак, осторожно перешагнув через плачущие серые комочки, исчезал в кустах. Он крупными прыжками снова уходил на поиски добычи.

Только волчица не поддавалась на уловки Первенца. Ловко увернувшись от волчонка, который уже нацеливался схватить ее за нос, и высоко задрав голову, она пробиралась к логову, где ее ждали скулящие от голода волчата, и только тогда отрыгивала еду. Волчата, быстро справившись с едой, хватали ее за соски, и волчица терпеливо ждала, когда молоко на время успокоит малышей. А когда они засыпали, волчица, осторожно освободившись от ненасытных волчат, снова отправлялась на поиски пищи.

Время от времени к логову приходили матёрые волки, они тоже подкармливали волчат и радовались, что зимой стая будет многочисленной — значит,

сильной. Они не задерживались около логова, боялись встретиться с вожаком, да и старый матёрый волк ворчал, если они заигрывались с волчатами.

Волчата быстро росли. Старый волк учил их ловить сверчков, кузнечиков и мышек. Скоро маленькие хищники перепугали и разогнали всех вокруг своего логова. Они разоряли пустые гнёзда, хорошо, что птенцы давно уже встали на крыло. Издевались над ящерицей, пока не оторвали ей хвост. Возмущенная ящерица юркнула в заросли и спряталась среди корней старой березы, которую буря еще весной вывернула из земли. Волчата не знали, что делать с противной жабовидной лягушкой, которую поймали у воды. Они осторожно переворачивали ее с живота на спину, принимались, с любопытством рассматривали незнакомое, противное и холодное существо. Лягушка, воспользовавшись нерешительностью волчат, вырвалась из их лап, прыгнула в воду и, прежде чем исчезнуть в тине, возмущенно проквакала, коротко отругав несмышленых серых разбойников.

Маленького ежика волчата сторонились, да и мохнатых шмелей, которые роились на земле недалеко от их логова, обходили стороной. Ежик однажды наказал любопытных волчат, переколов их своими колючками. Потом волчата неуклюже потирали опухшие носы и долго скулили, стараясь вызвать жалость у матёрого волка. А старый волк, широко оскалившись, только усмехнулся и снова заснул под их плач.

А вот мохнатые шмели, когда волчата разворошили их улей, пытаясь добраться до мёда, искусали их так, что щенки забились в самый дальний угол логова. Они целый день зализывали раны и тихо стонали, не решаясь покинуть свое убежище.

Однажды волчата нашли засохшее воронье крыло, долго и упорно боролись за него, пока Первенец не отобрал добычу. Он мертвой хваткой уцепился за крыло и рычал, готовый защищать свой трофей, потом он, воровато оглядываясь, отбежал в кусты и закопал несъедобное воронье крыло. И наконец, довольный одержанной победой, облизнулся и бросился догонять своих обиженных братьев и сестер, чтобы в очередной раз что-нибудь у них отнять. Постоянное соперничество волчат и борьба за свое место в стае начинались в раннем детстве и продолжались потом всю жизнь. Так в играх волчата познавали тайны природы и получали первые уроки выживания в этом пока еще незнакомом для них огромном мире.

Каждый день приносил им новые открытия, они постепенно постигали волчьи законы.

СИЛА В СТАЕ

Ближе к осени, где-то в августе, когда прибылые¹ волчата подросли, вождь начал собирать стаю. Каждый вечер он заводил волчью песню, и его грозный вой разносился по всей округе.

— Где вы? Наша сила в стае! Пора на охоту! Возвращайтесь! — взывал он. Волчица, а за ней и матёрый волк присоединялись к общему хору. Люди, услышав жуткий вой в ночи, испуганно вздрагивали, мурашки пробегали по их телам. Одни, поёживаясь от страха, тихо просили Всевышнего огородить их от волков, другие громко проклинали проклятых хищников.

---

¹ Прибылые — волчата до одного года.

Прибылые волчата сначала с любопытством смотрели на волков, а потом, подражая им, тонкими голосками начали подвывать, но скулящий писк быстро обрывался и переходил на тявканье. Смущенные, они замолкали, снизу вверх с восхищением смотрели на родителей и снова, вытянув тонкие шеи, пытались довести до конца хотя бы одно колено своей первой песни. Волчата подвывали отрывистым лаем молодой собаки и снова заканчивали брехнёй. Вскоре охрипшие волчата совсем умолкли.

Первыми на призыв вожака отозвались переярки². Они ответили коротким воем всего лишь в одно колено и скоро, радостные, целой гурьбой прибежали к логову. Переярки ласкались, как простые щенки, виляли куцыми хвостами и ложились на спину, выражая перед вожаком свою покорность. Переярки летом помогли родителям: они встретили лося со сломанной ногой, который, может быть, на бегу попал копытом в норку сурка, а может, на торфяных разработках угодил в яму — об этом никто уже не узнает. Они сообщили родителям о сохотом. Усталые волки, которые целый день носились в поисках пищи, обрадовались неожиданному подарку.

Эта удача позволила вечно голодным прибылым волчатам быстро набрать вес, подрасти и некоторое время чувствовать себя сытыми, а значит, абсолютно счастливыми.

Матёрые долго прислушивались к голосу вожака, призывающему волков объединиться ради выживания, наконец, издалека ответили протяжным воем: «Мы идем! Мы признаем тебя вожаком! Мы знаем, что наша сила в стае!» — и не спеша направились на зов. Прежде чем выйти из кустов, матёрые волки с опаской наблюдали за стаей, принохивались и только после этого осторожно появились из чащобы.

Волчата узнали среди матёрых волков тех, кто время от времени приходил к логову и подкармливал их, поэтому без всякого страха, радостно виляя куцыми хвостами, кинулись навстречу своим родственникам. Матёрые также признали своих подопечных. Они, суровые и страшные, на миг превратились в добродушных и совсем не злых волков. Они по очереди обнюхивали волчат и старались увернуться от слишком назойливых лобызаний уже подросших щенков, те же с радостью облизывали волчьи морды, хватая за носы, по старой памяти выпрашивая угощение. Потрепанные волки, еле освободившись от щенков, по одному с опаской подходили к вожаку, готовые в любой момент защитить себя от острых клыков предводителя. И не зря, некоторых вожак жестко усмирал, тогда матёрые, поджав свои куцые хвосты, скулили, выпрашивая пощады, и спешили затеряться среди волков в стае.

Поднятый вверх хвост подчеркивал власть и силу вожака. С высоты своего положения вожак внимательно следил за стаей, диктуя ей правила, установленные самой природой.

Волчица торжествовала, видя, что семейная стая не распалась и собралась по первому зову вожака: значит, они обязательно переживут зиму. Она знала, что сила волков в стае.

Наконец, семейная стая тронулась в путь. Она должна обойти свои владения и научить прибылых волчат совместной охоте. Сегодня ночью прибылые волчата будут вместе с волками охотиться на настоящую добычу. Вожак повел стаю на куропаток. Куропатки, разжиревшие за лето, для волчат были легкой и лакомой добычей.

---

² Переярки — волки от одного до трех лет.

Старый матёрый волк остался в засаде, ему было уже трудно гоняться за маленькими птичками, а вот волчатам он мог преподать еще один урок выживания. Волчата, следуя примеру матёрого, затаились в высокой траве, а стая бесшумно растворилась в ночи. Скоро волчата услышали, как волки подняли куропаток. В ночи были слышны азартное повизгивание хищников и шелестящий шум от множества крыльев, куропатки отчаянно пытались оторваться от преследователей. Волки, окружив стайку с трех сторон, не спеша загоняли добычу на затаившихся в траве волчат, и перепуганные птицы, пролетев шагов сто, плюхнулись прямо под носом у маленьких хищников.

Волчата, следуя врожденному инстинкту охотника, бросились на добычу; испуганные куропатки вспорхнули, но многие из них оказались в зубах у ночных хищников. Среди удачливых охотников оказался и наш Первенец, он сумел в прыжке схватить жирного каплуна³.

Но не всем досталась добыча. Неудачники, обливаясь от голода и скуля от обиды, крутились вокруг счастливых. Волчата с добычей в зубах глухо рычали, готовые защитить свой первый охотничий трофей.

Тем временем волки продолжали гоняться за добычей и, возможно, переловили бы всех куропаток, этих неприспособленных для длительных полетов птиц, но те в последний момент сумели перелететь заросшую камышом неширокую протоку.

Волки же не стали заходить в холодную воду ради этих маленьких птичек, они вряд ли могли утолить их зверский аппетит.

Охота на этом завершилась. Волки принесли в зубах еще полуживых птиц и волчата, особенно неудачники, радостно кинулись на добычу.

Целый год волки будут заботиться о прибылых волчатах, приносить им еду, ждать, пока они насытятся, и только после них доедать остатки добычи. Закон стаи требовал постоянной заботы о детёнышах. Будущее зависело от подрастающего поколения, а волки знали, что их сила в стае.

* * *

В тот год после длительных холодных дождей зима пришла внезапно, с обильным снегопадом, а потом она закрутила, завьюжила, накрыла землю сугробами. Не успели утихнуть бураны, как ударил сильнейший мороз, который образовал спасительный для волков снежный наст. И когда начались гонные охоты, стая легко ушла по твердому снегу, а всадники увязли в глубоких сугробах и вскоре усталые лошади не могли уже преследовать волков.

Но в начале гонной охоты несколько прибылых волчат в панике выскочили на ватагу всадников, мастеривших⁴ около чащобы. Охотники быстро приструнили⁵ волков. А еще старый матёрый волк, который все лето присматривал за волчатами, был убит ударом кистеня. Он попытался уйти от охотников, но быстро выдохся и остановился. Старый волк медленно повернулся к приближающимся всадникам, его глаза сверкнули злобой, он зарычал, готовый кинуться в последний яростный бой. Может быть, не только твердый наст, но и последний поступок старого волка спас несколько жизней и позволил стае оторваться от преследователей.

³ Каплун — петушок у куропаток.

⁴ Мастерить — отсекал стаю от леса.

⁵ Приструнить — поймать и связать волка.

Волки благополучно пережили и эту зиму, они много и удачно охотились. Благодаря вожаку, охотничья удача не покинула хищников, они были сыты и довольны судьбой.

Первенец за год вырос и по размерам уже не уступал вожаку, но был еще неуклюж и потому постоянно проигрывал в схватках с матерыми волками. Постепенно он набирался опыта в единоборствах. Волки боялись Первенца, и, чем крупнее и сильнее он становился, все больше ненавидели его за прозорливость и наглость. Первенец претендовал на лучшие куски и бесцеремонно отнимал добычу даже у матерых волков, что, естественно, было причиной все более жестоких и кровавых драк. Он перестал уважать законы стаи, установленные самой природой, и стал причиной разлада среди волков. Это могло привести в будущем к распаду семейной стаи. А волки понимали, что их сила в стае.

Скоро Первенец стал побеждать матерых, начал огрызаться и на вожака. Он вел себя вызывающе перед ним, не поджимал хвост, не скулил подобострастно, не заискивал и не ложился на спину, как остальные волки, показывая свою покорность. При виде вожака Первенец старался отойти в сторону, демонстрируя полное пренебрежение к предводителю. В стае чувствовали, что в один из дней между вожаком и Первенцем произойдет схватка — кровавая и беспощадная. Но пока вожак сдерживал себя, терпел выходки волчонка, и его уступчивость воспринималась Первенцем как слабость старого волка. Волчица, его мама, когда-то ласковая и заботливая, с каждым днем становилась все раздражительней и беспокойней. Она знала, что придет день, когда Первенец убьет стареющего вожака, и тогда стая распадется. Инстинкт самосохранения заставлял волчицу защищать устои, установленные в стае самой природой.

Однажды вожак поймал косулю и принес волчице. Первенец бесцеремонно набросился на добычу, и вожак коротким ударом отбросил его. Волчица, а вслед за ней вся стая, готовая растерзать Первенца, с остервенением кинулась на него. И только благодаря своей силе и некоторой удаче Первенец сумел вырваться из острых волчьих клыков. Он скулил от боли и обиды и бежал прочь от стаи. Страх и чувство самосохранения гнали Первенца все дальше и дальше от родных мест. Только иногда он останавливался, чтобы немного передохнуть и зализать кровоточащие раны.

ВОЖАК И БЕЛАЯ ВОЛЧИЦА

Страх и обида гнали Первенца все дальше и дальше от родных мест. Наконец, в один из дней Первенец нашел место, где не было границ — это была свободная земля, край больших и малых озер, разбросанных среди пойменных лугов широкой реки. Река, огибая покрытые лесами невысокие холмы и извиваясь среди лугов, несла свои воды куда-то очень далеко. Там, на болотистой равнине, по берегам заросших камышом и тальником стариц и ериков, бродили огромные лоси, легкие, как ветер, косули носились по лугам — тугаям, лани в тенистых березовых колках спокойно паслись с детенышами среди деревьев.

На озерах, соединенных между собой протоками и спрятанных от людских глаз прибрежными кустами каратала (из-за опутавших их ежевики и хмеля они казались непроходимыми), шла размеренная жизнь. Белые лебеди грациозно плыли по водной глади, цапля застыла на отмели, высматривая на дне добычу,

довольные гуси с выводком гоготали среди кувшинок, там же, в камышах, прятались утки, по берегам стариц сновали стайки непуганых куропаток.

Среди этого райского изобилия Первенец жил бирюком⁶. За лето он окреп и к осени уже выглядел взрослым матёрым волком. Однажды в сумерках он услышал зов, перед которым ни одному волку не устоять. Первенец направился на зов. Скоро волк почувствовал тревогу, незнакомый запах волновал, ему казалось, что там, за кустами, затаилась неведомая опасность. Наш Первенец напрягся, зарычал и стал беспокойно вглядываться в заросли, он приготовился к кровавому бою. Волк был уверен в своей победе, потому что это была его земля, он первым пришел сюда, и никто не посмеет отсюда его прогнать. Но чужак не уходил, и в ответ на его грозное рычание вдруг из-за кустов послышалось вкрадчивое повизгивание.

Через мгновение, мягко и неуверенно перебирая лапами по росе, склонив голову в подобострастном поклоне, перед Первенцем появилась молодая волчица.

Она не уступала своими размерами Первенцу, была лишь тоньше и грациозней. У Первенца серый подшерсток на спине переходил в темную полосу, а у нее подшерсток был светлым, с чуть рыжеватой подпалиной, и поэтому башкиры, когда зимой по первому снегу выезжали на гонную охоту и встречали её, с благоговением шептали: «Белая Волчица — наша спасительница!» — и опускали оружие.

Башкиры никогда не преследовали Белую Волчицу, считали ее потомком Белого Волка. Легенда о Белом Волке гласит, что он спаситель башкир, вывел их из смертельного окружения врагов и привел к отрогам Урала. Эта легенда, передаваемая из поколения в поколение, в будущем не раз спасет стаю Белой Волчицы от истребления...

А пока наш Первенец, встретив молодую волчицу, был в смятении. Он не знал, как поступить, и на всякий случай неуверенно зарычал, обнажив крупные острые клыки, но вскоре злость сменилась растерянностью. Молодая волчица разрушила его нерешительность, она вкрадчиво, виляя хвостом, осторожно приблизилась к Первенцу.

Они замерли и, как две натянутые тетивы, дрожали от напряжения; широкие ноздри возбужденно втягивали пока еще незнакомый запах друг друга. Вдруг молодая волчица заскулила и упала на спину, обнажив живот и выражая свою полную покорность перед ним. Она признала в нем вожака. Но, прежде чем Первенец стал настоящим полновластным вожаком, ему еще не раз придется в кровавых схватках с волками доказывать свое право возглавлять стаю.

С тех пор они вместе охотились — вдвоем оказалось легче добывать пищу. Первенец с удивлением обнаружил, что волчица намного искуснее и проворнее в охоте. Волчица загоняла куропаток прямо в его лапы, она могла незаметно подкрасться к суркам и схватить жирного байбака у самого входа в нору. И самое главное, она терпеливо ждала, когда он насытится, и только потом доедала остатки добычи. Так они беззаботно наслаждались своим волчьим счастьем, пока не появился на их территории молодой волк. Встретившись на узкой тропинке, они стояли, сверля друг друга ненавидящим взглядом, решительные, злые и сильные. Вступал в силу один из самых главных законов природы: закон естественного от-

---

⁶ Бирюк — молодой волк, ищущий самку в одиночку.

бора. И волчица полностью подчинилась этому закону, она отошла в сторону и стала с любопытством наблюдать, как два молодых и сильных самца в кровавой, а может быть, в смертельной схватке будут доказывать не только свое право на жизнь, но и право на потомство, которое продолжит волчий род. А волчий закон был однозначен: только сильнейший имел право на будущее потомство.

Схватка была короткой, враг был повержен, он, опрокинутый на спину, скулил и визжал, выпрашивая пощады. Первенец его великодушно пощадил. Волчица радостно кинулась к победителю, он сегодня доказал свое полное право на обладание ею. Было еще несколько кровавых схваток, где наш Первенец всегда выходил победителем, а поверженные полностью признавали власть сильнейшего и беспрекословно подчинялись его воле.

Наш Первенец стал полновластным Вожаком небольшой стаи. Эта стая отличалась от семейной тем, что инстинкт выживания объединил на время молодых волков вокруг сильного Вожака и Белой Волчицы. Они держались вместе, чтобы пережить зиму. Волки в любое время могли уйти, кровные узы не связывали их, в отличие от семейной стаи.

В стае Вожак и Белая Волчица первыми насыщались добычей, а остальные довольствовались остатками. Но, самое главное, в стае имели право на потомство только Вожак и Белая Волчица. Зимой наступила пора волчьей свадьбы. Вожак вдруг стал агрессивным и, своей злобой подавляя волю других волков, ревностно отгонял их от волчицы. Побитая стая разбрелась. Бирюки, поджав хвосты, голодные и злые, бродили по окрестностям, не в силах охотиться в одиночку, довольствуясь лишь мелкими грызунами, а если повезет, то добывали зайца. Они все еще надеялись встретить свою половинку. Они выли и ждали, когда прозвучит ответный зов волчицы. Но никто не откликнулся на их призыв.

Без вожака они не способны были организовать охоту на крупную добычу. Если кто-нибудь из них пытался объединить волков для охоты, то тут же начинались драки: никто не хотел подчиняться выскочке. Каждый пытался доказать свое право на главенство, но постоянные драки в конце концов утомили волков, и они окончательно разбрелись по округе. Злобные и страшные, они бродили по окрестностям, а Вожак с Белой Волчицей, подгоняя друг друга и играя, все дальше и дальше удалялись от волков.

И когда после волчьей свадьбы прозвучал долгожданный призыв, волки сразу же откликнулись, у них появилась надежда, что Вожак, наконец, объединит их в стаю и у них будет настоящая добыча. Когда волки собрались, Вожаку снова пришлось доказывать свое право на власть. Он жестко и быстро навел порядок в стае, и, когда убедился в покорности каждого, повел стаю на охоту. Вожак пристомтрел больного и старого лося, который давно уже отжил свой век.

Волки нашли старого лося на болотах. Они издали с опаской наблюдали за когда-то могучим и сильным хозяином чащоб. Огромный сохатый все еще внушал страх: когда-то он мог одним ударом копыта перебить хребет любому волку. Сейчас же он, больной и одинокий, спотыкаясь на каждом шагу о кочки, бесцельно бродил среди чахлах и кривых берез, оставляя за собой запах старости и болезни.

Старый лось стал легкой добычей для стаи, и он помог волкам пережить суровую зиму.

Весной некоторые волки покинули стаю, они надеялись найти свободные земли и побороться за свое счастье. А Белая Волчица забеспокоилась и начала

искать место для логова. Скоро она нашла в густом кустарнике на берегу реки старую лисью нору и быстро расширила ее. Волчица спряталась в логове. Вожак рядом выкопал еще одно запасное логово, через две недели после рождения волчат нужно будет перенести их в новое, не загаженное, чистое место. Он улегся у входа и начал ждать появления новой жизни. И скоро в логове запищали девять слепых волчат. Основа семейной стаи была заложена. Вожак знал, что сила волков в стае.

ГОННАЯ ОХОТА

Все события в природе, как и в жизни, повторяются с определенной закономерностью. Так, солнце поднимается на западе и садится на востоке, после дня обязательно приходит ночь. А убывающая луна исчезает только на время. Она скоро появится и будет освещать землю сказочным светом, достаточным для того, чтобы разогнать сумерки и успокоить запоздалого путника на дороге. С рождением новой жизни начинается новая история.

Наш Первенец и Белая Волчица основали семейную стаю. С каждым годом стая становилась многочисленней и сильней. Удача сопутствовала Первенцу, который стал Вожаком большой и сильной стаи. Только Вожак и Белая Волчица в стае имели право на потомство. У сильных волков рождались сильные волчата. С каждым годом волки улучшали свой род, из прибылых волчат природа отбирала наиболее сильных, у них появлялся шанс создать новую стаю. Естественный отбор позволял волкам выживать в самых тяжелых условиях. Говорят, волки пережили последний ледниковый период.

И это неистребимое племя со временем могло завоевать господство над всеми, если бы не человек, который, благодаря своему разуму, опыту, древним обычаям и традициям, справедливо регулировал количество волков в округе, при этом не искореняя и не истребляя под корень их волчий род.

Каждый год с первым снегом башкиры на лучших скакунах выезжали на гонную охоту на волков. В этом году обильный снегопад за три дня покрыл толстым слоем окрестности. Как только распогодилось, окладчики вышли на поиск волчьих следов и вскоре по пороше выследили стаю в пойме реки на замерзших болотах. Сытые волки после удачной ночной охоты устроились на днёвку в заросшей кустарником и засохшим камышом березовой колке. Под утро, соблюдая все меры предосторожности, охотники обложили стаю со всех сторон, оставив с подветренной стороны выход из оклада⁷. Недалеко от выхода затаились всадники, вооруженные ружьями, сукмарами⁸, кистенями и камчами⁹.

Они приготовились истребить волчью стаю, и теперь ждали, когда же загонщики выгонят на них хищников. Только молодёжь нетерпеливо ёрзала на скрипучих сёдлах. Каждый из них мечтал догнать на верном коне матёрого волка и приструнить хищника на виду у всех, чтобы потом люди рассказывали и восхищались их смелостью и молодецкой удалью.

Старики с гордостью смотрели на своих сыновей и внуков, которые внезапно выросли и стали не просто охотниками, а настоящими воинами,

⁷ Оклад — облава, окружение волков на дневке.

⁸ Сукмар — дубинка.

⁹ Камча — плетка.

готовыми защитить свой род, свою землю и свое Отечество. Весной многие из них пойдут исполнять воинскую повинность на дистанциях¹⁰, их призвут на линейную службу на далекий Уил или в Гурьев городок, а может, и в Ляхистан¹¹, что на западе.

Войсковой старшина, который согласно служебному положению и обязанностям руководил организацией гонной охоты, беззлбно бурчал на малолеток¹², а когда кто-либо из них нечаянно заговаривал с соседом или звякал уздечкой, он грозил нагайкой и обещал выпороть на майдане¹³.

Старшина использовал охоту для обучения будущих воинов дисциплине, послушанию и, самое главное, действиям в конном строю в составе небольшого отряда. Воспитание воина начиналось в раннем детстве и никогда не прерывалось.

Наконец, охотничий рожок оповестил о начале гонной охоты. Кони встрепетнулись, всадники натянули поводья, и все на мгновение замерли перед началом безумной гонки.

С противоположной стороны грохнул выстрел, загонщики зашумели, закричали и затрещали трещотками. Этот ужасный шум разбудил ворон и галок. Птицы с криком и гамом поднялись над деревьями и, разглядев с высоты всадников, затаившихся за кустами, поспешили покинуть место, где вчера еще пировали на остатках волчьей добычи.

Испуганные прибылые волчата, а также переярки, поджав хвосты, заматались среди чахлах кривых берез, матёрые же замерли и глухо зарычали, готовые броситься на неведомого врага.

Только Вожак и Белая Волчица стояли, возвышаясь над всеми, их широкие ноздри вздрагивали от напряжения, втягивая враждебные запахи. Они прислушивались к поднятому загонщиками ужасному шуму, пытаясь найти выход из смертельного окружения. От них теперь зависела судьба стаи. Скоро начнется гонка со смертью и для волков жизнь станет наградой за выносливость, быстроту и смелость. Внешнее спокойствие Вожака и Белой Волчицы передалось испуганным волкам. Они, до сих пор метавшиеся в колке среди деревьев, собрались вокруг них, некоторые все еще продолжали обреченно скулить, другие же с надеждой смотрели на своих родителей.

Белая Волчица осторожно двинулась в сторону, туда, где не было шума, волки последовали за ней. Вожак и несколько матёрых замкнули стаю. Они выбрали опасный, но, к сожалению, единственный путь к спасению.

С каждой минутой среди затаившихся охотников росло напряжение, все ждали выхода стаи, и все равно люди и кони вздрогнули, когда огромная стая выскочила из чащобы. Волки крупными прыжками легко преодолевали глубокий снег, на мгновение появлялись и снова исчезали в облаках снежной пыли. Впереди Белая Волчица, почти сливаясь с поверхностью запорошенной земли,

¹⁰ Дистанция — восточные границы были разделены на пять дистанций, где несли пограничную службу башкиры.

¹¹ Ляхистан (тюрк.) — Польша.

¹² Малолетка — юноши в 19 лет записывались в войско малолетками, это связано с очередным порядком несения службы, а также закреплением в этом возрасте за башкирскими воинами, в качестве имущественного источника несения службы, право на 30 десятин (45 га) земли.

¹³ Майдан (тюрк.) — у башкир площадь в центре села перед мечетью, где проводились сходки, а также смотр воинов перед отправкой на службу, обычно там же находились старшинская канцелярия, оружейные мастерские и кузница.

уверенно вела за собой волков. Она знала, что начинается смертельная гонка за жизнь. Еще один закон, на этот раз совершенно неестественного отбора, начинал свой кровавый отсчет. В этой смертельной гонке сильнейшие должны выжить, а слабые погибнуть.

Охотники не ожидали увидеть впереди стаи Белую Волчицу, хотя слух о ее появлении давно уже будоражил умы людей. Люди верили, что Белая Волчица пришла к ним, чтобы огородить их от беды. Одни, вспоминая предания, считали, что Белая Волчица, далекий потомок Белого Волка, послана для спасения башкир от большой беды, другие, боясь накликать на свои головы всякие напасти, старались пресекать разговоры о ней, но все жили в ожидании каких-то событий.

Теперь, когда впереди стаи появилась Белая Волчица, башкиры застыли в суеверном трепете и опустили оружие. Драгоценные мгновения летели, увеличивая шанс на спасение волков и уменьшая возможность удачной охоты. Ведомая Белой Волчицей стая стремительно удалялась.

Кони, до сих пор смиренные, увидев волков, как будто взбесились. Они били копытами по мерзлой земле, пытались встать на дыбы, крутились и мотали упрямо головами, разбрасывая по сторонам роскошные гривы. Многие из них, словно легавые собаки, которые, почуяв дичь, нетерпеливо рвутся с поводка, также пытались вырваться из-под узды, при этом разве что не визжали от нетерпения. Конечно же, всадники одним словом могли успокоить прирученного скакуна, но продолжали гарцевать не для того, чтобы показать всем неукротимую силу и необузданную красоту своего коня, а для того, чтобы пустить наметом разгоряченных коней сразу же после команды: «Алга!», «Вперед!»

Башкирские кони постоянно участвовали в гонных охотах на волков, лисиц и даже зайцев. Всадники выбирали цель и дальше кони без всякой узды и понуканий преследовали жертву с таким азартом, который бывает только у легавых собак. Все это достигалось не только постоянными выездами на охоту, где совершенствовались навыки преследования, но и инстинктами, которые передавались и постоянно улучшались с каждым поколением одной из древнейших среди всех существующих ныне пород лошадей.

Молодежь то ли не смогла, то ли не захотела больше удерживать лошадей, и застоявшиеся кони с места наметом помчались за волками, поднимая вокруг себя снежную пыль.

Мерзлая земля под мягким снегом охнула и тут же загудела от одновременного удара множества копыт. «Не смейте преследовать Белую Волчицу!» — раздалось вслед строгое предупреждение стариков. Всадники и без этого напутствия знали, что Белая Волчица неприкасаема, она потомок Белого Волка — спасителя башкир!

Несколько мгновений задержки дали волкам надежду на спасение. В изматывающем преследовании стаи по глубокому снегу все преимущества были на стороне человека. Он выбирал благоприятный день, когда глубокий снег и некрепкий наст затруднял бег волков и мало влиял на бег лошади. Обычно при глубоком снеге хищников настигали через пять-шесть верст, а если волки бежали с полными после удачной охоты брюхами, то догоняли их и раньше. Но были случаи, когда охотники преследовали голодного матёрого волка целых тридцать верст, но так и не догнали.

Опытные же всадники не столько гнались за стаей, сколько мастерили: зная местность и ориентируясь по крикам загонщиков, постоянно отрезали волкам путь к спасительным укрытиям — оврагам, зарослям, чащобам. На мастеровивших около лесной чащобы всадников и вышли несколько отбившихся от стаи переярков и прибылых волков, которые без труда и были добыты охотниками.

Благодаря Белой Волчице, ее уму и хитрости стая в большинстве своем сумела уйти от преследователей. Белая Волчица выбрала верное направление для отступления и вела за собой волков по склонам холмов, где было меньше снега и где кони не могли разогнаться.

Но в целом гонная охота не удалась. Строгое предупреждение и преклонение перед Белой Волчицей расстроили у большинства всадников охотничий азарт, и многие, проскакав за волками несколько верст только для того, чтобы унять разгоряченных коней и успокоить свой пыл, вернулись, конечно же, без всякой добычи.

Сегодня люди не будут говорить об охоте, останется незамеченной молодецкая удаль охотников, некоторым из них все-таки удалось приструнить несколько волков. Сегодня никто не станет рассказывать охотничьи байки у костра, люди будут говорить о Белой Волчице и вспомнят легенду о Белом Волке.

ЛЕГЕНДА О БЕЛОМ ВОЛКЕ

«...Давно это было, тысячу, а может быть, и больше лет назад, когда наши предки были кочевниками, и вся Великая степь была для них домом, — обычно так начинал рассказывать один из старейшин нашего рода древнюю легенду о Белом Волке. — И не было людей счастливее кочевников, — продолжал он с некоторой грустью, — потому что не было границ в Великой степи! Жили там вольные люди, они наслаждались великими просторами и свободой. Они подчинялись закону степей. Если путника встречали, то давали кров, если соседи приходили, то устраивали праздник.

Башкиры каждый год, переждав зимние холода на юге, с началом весны вместе со своими бесчисленными стадами возвращались на северные пастбища. Животные с жадностью поедали только что пробившуюся первую весеннюю траву и спешили вперед, пытаясь не отстать от весны. Они оставляли за собой истоптанную копытами степь. А весна, не задерживаясь надолго в одном месте, летела на север, покрывая свой путь зеленым ковром разнотравья и красными тюльпанами. Степи только на короткое время расцветали сочной палитрой цветов. Вслед за весной, подгоняя кочевников, наступало знойное лето. Жаркое южное солнце испепеляло остатки растительности и высушивало мелкие озера, разбросанные на их пути. Наконец, стада приходили на пастбища, где всегда росла высокая, сочная и зеленая трава, где полноводные горные реки поили чистой водой табуны. Там тучные стада отъедались до первых осенних дождей.

Здесь, в предгорьях Уральских гор люди наслаждались родной природой, отдыхали и устраивали праздники. Юноши показывали свою удаль в борьбе, в джигитовке¹⁴ и байге¹⁵, а девушки показывали свое мастерство в рукоделье — в

¹⁴ Джигитовка — разнообразные сложные упражнения на скачущей лошади.

¹⁵ Байга — призовые скачки.

вязании шалей, в ткани ковров, в валянии войлока, а также взбивании масла и в приготовлении кумыса. Работа девушек сопровождалась пением веселых, а иногда и грустных песен. Здесь встречались, влюблялись, создавались семьи и игрались веселые свадьбы, в результате образовывались не только семейные, но и родовые союзы. Вместе башкиры были сильнее и могли противостоять любым врагам.

Именно эту древнюю землю на склонах Уральских гор башкиры называли своей родиной. А когда уходили на юг, они скучали по этой земле.

Молодые стремились вернуться туда, где — они точно знали — встретят свою любовь, а старики мечтали здесь завершить свой земной путь, и тогда каждое лето их потомки приходили бы к могилам предков и поминали их добрым словом и молитвой.

Лето пролетало быстро, и утренние заморозки, покрывающие предгорья плотным слоем инея, напоминали башкирам, что пора уходить на южные пастбища, пока еще ранний снег не отрезал им путь.

Табуны в десятки тысяч лошадей, стада, в которых тысячи коров — все они не спеша трогались в путь.

Осенняя влага на короткое время оживляла степь, и трава снова зеленела, создавая обманчивое впечатление возвращения весны. Сначала медленно, а потом спешно, подгоняемые холодными ветрами, кочевники начинали двигаться в обратную сторону. Они пытались догнать остатки лета, которое пока еще кормило табуны зеленой травой. Но скоро настанет день, когда скудная степная растительность затвердеет, пожелтеет и спрячется под снегом. В поисках травы кочевники упорно будут двигаться на юг. Как бы они ни спешили, зима настигнет их в пути. И стада, заросшие мохнатой зимней шерстью, с трудом разгребая крепкими копытами снег, будут добывать скудный корм.

Времена года, их смена, природный круговорот определяли в течение тысяч лет кочевую жизнь башкир, и в гармонии с природой люди жили на этой земле со дня сотворения мира. Они были самым счастливым народом, потому что были свободны.

Но однажды в Великую степь пришла беда, ворвалось с востока никому до сих пор не известное, дикое и кровожадное племя.

Врагов было много, и потому они, уверенные в своей силе, грабили, порабощали, а кто сопротивлялся, тех безжалостно истребляли на своем пути. Они захотели разделить между собой Великую степь, а кочевников сделать рабами. Но башкиры, хотя и были застигнуты врасплох, сражались храбро и уничтожили много врагов. Тогда предводитель захватчиков пошел на хитрость. Он предложил принять разбойничьи законы, присоединиться к ним и вместе грабить чужие кочевья. Но разве могли башкиры отказаться от свободы и подчиниться подлым людям? Башкиры — свободные люди — не представляли, как можно заставить соседей влачить жалкое существование в неволе. Они всегда жили своим трудом, чужого никогда не брали, всех одинаково кормила степь, и потому башкиры отказались от милости завоевателей. Кровавая война возобновилась с новой силой. Но силы были неравны, и башкиры решили отступить к отрогам родного Урала — горы не раз защищали их от порабощения и спасали от истребления. Но до спасительных гор было еще далеко, а враг был близок. Не все успели отступить, многие еще оставались в степи. Враг

преследовал кочевников и предлагал сдаться, но разве свободный человек может выбрать рабство?! Много потерь понесли башкиры, но не сдались на милость врагу. Свобода была для них превыше всего! И когда враг окружил кочевников и уже торжествовал победу, на помощь к кочевникам пришли батыр Урдас-бей и его тысяча всадников. Всадники, вооруженные саблями и луками, у них сотни стрел в колчанах, бесстрашно встали против много-тысячной орды. И не смог одолеть враг свободолюбивых батыров, каждый из них сражался за десятерых, а все вместе они стояли сотни тысяч воинов. Недаром башкир из рода великого воина Урдас-бея называли «мин» — тысячи. Все лето и всю осень сражались они, и только когда наступила зима, завоеватели отступили. Но и для башкир наступили суровые времена. Много потерь они понесли в боях, голод и холод истребляли табуны, буран спрятал степь под толстым слоем снега, вьюга зловеще выла и пурга слепила глаза. Долго шли башкиры по степи, пока не сбились с пути, и, отчаявшись, стали ждать своей смерти. Но Урдас-бей — великий воин — в минуту отчаяния возвел руки к небу и обратился с мольбой:

— О, Всевышний, ты велик, ты творец Вселенной, и с именем твоим мы живем и с именем твоим в устах умираем! На всё твоя воля! Скажи, чем мы прогневили тебя, и за какие грехи расплачиваемся? Мы хотели лишь свободы! И за свободу мы боролись! Мы никогда не были рабами и сами не признаем аманатов, мы никогда никого не лишали воли! Мы были великодушны даже к нашим пленникам и всегда отпускали их с миром. И признаем себя лишь твоими рабами и служим лишь тебе! Мы готовы пережить все испытания, посланные тобой, и ждем милосердия!

Голос Урдас-бея потонул в вихре снежной бури, которая с устрашающей силой накинута на горстку людей, повалила всех на землю и начала заматывать снегом. Не хотела стихия просто так отпустить своих пленников, но она не знала, что жертвой выбрала, хоть и обессиленных, но стойких духом людей. И все же люди, на долю которых выпали огромные испытания, начали терять надежду на спасение. Лишь Урдас-бей, вождь минцев, остался на ногах, он шатался под порывами ветра и в отчаянии смотрел сквозь бурю вперед. И вдруг обессиленные кони встrepенулись, тревожным ржанием предупредили людей об опасности и сами испуганно задрожали. Люди, обеспокоенные поведением лошадей, подняли головы и сквозь снежную пургу разглядели недалеко на вершине холма огромного волка.

Он был совершенно белым.

Вокруг Белого Волка плясала вьюга, а он, не обращая внимания на ее потуги, стоял, как истукан, с гордо поднятой головой, и сверху вниз, сквозь снежную пелену, пристально смотрел на погибающих людей. Его немигающий взгляд был столь жутким и страшным, что люди оцепенели от ужаса.

— Настал наш последний час, и волк пришел за нашими бранными телами, — подумали люди. — Но души наши бессмертны и хищнику не достанутся, — решили они и начали молиться о спасении души. Только Урдас-бей смотрел на волка не как на хищника, и, чтобы проверить свою еще слабую догадку, двинулся к нему, сжимая рукоятку сабли. Волк кивнул ему своей лобастой крупной головой, приветствуя батыра, и пригласил людей следовать за ним.

Всевышний услышал Урдас-бея, он послал с небес на помощь людям Белого Волка. (Башкиры называют Белого Волка еще Кук Буре, то есть Небесный Волк).

— Благодарю тебя, Тенгри!¹⁶ — воскликнул Урдас-бей. — Волк — наш спаситель, он послан нам с небес, и мы должны следовать за ним!

И Белый Волк повел людей сквозь вьюгу и буран, через снежные сугробы, замерзшие реки, глубокие овраги, холмы и леса. Башкиры шли по красным кровавым следам, оставленным израненными лапами зверя. Снежная пурга слепила их, холод не давал возможности дышать, голод забирал силы, но они, окрыленные надеждой, сумели преодолеть все трудности и дойти до спасительных отрогов Урала.

И вот перед ними выросла стена из скал, на вершине которых росли вековые сосны. Они шумели на ветру, приветствуя Урдас-бея и башкир, вернувшихся на родные земли. Волк повел их вдоль высоких скал и вывел через ущелье в сказочную долину. Перед ними раскинулись родные поля и луга, бесчисленные озера сверкали хрустальной гладью, дремучие леса шумели на горных склонах, горные реки поили эту землю.

Вдали они увидели дым от костров и кочевья, там ждали их сородичи. Башкиры поблагодарили небо за чудесное спасение, а Урдас-бей обратился к волку: «Мы изобразим Белого Волка на наших знаменах и напишем на байраках имя спасителя. Для нас Белый Волк — спаситель нашего рода! И в благодарность мы будем жертвовать каждый день для тебя черного барана!»

Волк услышал обещания Урдас-бея, кивнул в знак согласия и поднялся на самую высокую скалу. С вершины этой скалы стал охранять земли башкир и в случае опасности тревожным воем предупреждал их о беде. Башкиры, предупрежденные верным стражем своих земель, разворачивали байрак с изображением Белого Волка, и под этим знаменем собирались батыры. Они бесстрашно бросались на врага, а Белый Волк возглавлял их.

Враги, увидев над головами байрак¹⁷, а впереди грозного волка, мчавшегося на них вместе с всадниками, в суеверном страхе кричали: «У них Главный — Волк! Главный среди них — Волк! Баш Корт! Главный Волк! Баш Корт! БАШКОРТ!»¹⁸

Никто не мог противостоять силе батыров и волка. Двойная ярость сокрушала врага. Победенный враг бежал, оставив на кровавом поле боя своих истерзанных воинов.

Огромный волк, страшный в гневе, весь измазанный кровью, начинал свою победную песню над поверженным врагом. Его песня была торжественной и одновременно жуткой. Отступающий враг, услышав ее, больше не осмеливался возвращаться с оружием в руках на эту землю. А усталые после кровавой сечи башкиры, потерявшие в этой битве своих товарищей, спешили с коней и в печальном поклоне слушали грозную песню волка. Постепенно грозная песня переходил в плач. Это был плач по погибшим воинам! Башкиры поминали своих братьев, сложивших головы за свободу родной земли.

Так Белый Волк стал спасителем и надежным стражем нашего башкирского рода. Для башкир Белый Волк — священный! А Белая Волчица, потомок Белого Волка, послана на наши земли на помощь, чтобы спасти наш род от беды! — закончил свой рассказ аксакал.

---

¹⁶ Тенгри — древне божество, повелитель неба.

¹⁷ Байрак — знамя.

¹⁸ Башкорт (баш — голова (главный), волк в большинстве тюрских наречий корт (курт) — это волк, башкорт — главный волк — версия В.С.Юматова; «...Ибн-Фадлан, посол халифа Мутедира, царствовавшего с 907 по 932 год, описывает башкуртов под настоящим их названием». «Оренбургские губернские ведомости» В.С.Юматов. №24 1847г.

ХИЩНИКИ

Волки благополучно пережили и эту зиму. Неудачная гонная охота в начале зимы позволила сохранить в целостности почти всю стаю. Большой стае требовалось много пищи. Волки много и удачно охотились, но к весне они разогнали всю живность в округе. Когда пищи не стало хватать, они вторглись в соседние земли, и несколько малочисленных волчьих стай в панике бежали, а кто не успел, был уничтожен. Стая, возглавляемая Вожаком и Белой Волчицей, стала наказанием и для людей.

Летом башкиры ушли на войну. В селениях остались старики, женщины и дети. Даже юношей призвали на внутреннюю службу...

Тревожно стало в башкирских селениях, плохие вести приходили с полей сражений, война забирала жизни отцов и братьев, во многие дома пришло горе. А еще ночной вой огромной голодной стаи не просто вызывал суеверный страх и раздражение, а наводил ужас на незащитных женщин и детей.

Волки знали, что мужчины ушли на войну, и стали без всякого страха подходить к селениям. Вскоре они истребили всех собак в ауле. Волки при помощи молодых волчиц выманивали за околицу алабаев¹⁹ и там безжалостно их убивали. Когда собак не стало, волки по ночам стали хозяйничать в селе, они проникали в овчарни и вырезали овец. Люди пытались защититься от хищников, старики по ночам охраняли свою живность, а днем пытались на вабу, то есть воя, подражая волкам, выманивать волков под ружейный выстрел, но они даже не откликнулись на ложный зов. Отравленную приваду²⁰ и капканы хитрые волки обходили стороной. Старики и дети не могли организовать гонную охоту на волков, и проклятые хищники чувствовали себя хозяевами степных просторов.

Огромная стая продолжала рыскать по окрестностям, и скоро волки разогнали и истребили всю живность в округе. В поисках добычи волки постепенно удалялись все дальше и дальше от своих охотничьих угодий.

Наконец, удача улыбнулась голодным волкам, в один из весенних дней они встретили табун лошадей, которые на тебеневке²¹ добывали свой скудный корм. В этих краях люди еще не слышали о появлении огромной голодной стаи волков, и поэтому никто не охранял табун, лишь злой и сильный черный жеребец кружил вокруг косяка и зорко следил за порядком.

Под весенними лучами солнца снег подтаивал и сугробы постепенно оседали под тяжестью влаги. К вечеру мороз покрывал снежный наст наледью, который не хотел ломаться даже под крепкими копытами лошадей. Вожак волчьей стаи заметил, что лошади на тебеневке ослабли от бескормицы. Вялые кони бродили по склонам невысоких холмов, там было меньше снега, и пытались откопать прошлогоднюю пожухлую траву.

Сбитые копыта лошадей кровоточили, и волки издали почуяли запах крови. Голодные волки, возбужденно повизгивая от нетерпения, ждали, когда Вожак выберет жертву и начнется кровавая охота.

Вожак, не таясь, вышел к табуну: волки редко нападают из засады. Лошади встрепенулись и напряглись. Мелкая дрожь пробегала по их сильным телам, широкие ноздри затрепетали, они почувствовали запах смерти, исходивший от хищников.

¹⁹ Алабай — среднеазиатская овчарка.

²⁰ Привада — приманка.

²¹ Тебеневка — зимнее пастбище.

Страх на время парализовал лошадей. Только жеребец, хозяин и защитник табуна, покусывая за холки кобылиц, начал спешно сбивать их в кучу, а те, в свою очередь, поспешили укрыть молодняк в центре круга, где они и затаились среди дрожащих тел. Вожак волчьей стаи успел заметить, что одна из кобылиц сильно хромает. Цель была определена: хромая кобыла и будет их добычей.

Собрав кобылиц в кучу, жеребец начал кружить вокруг косяка, и, когда Вожак приблизился к табуну, выскочил вперед и встал перед хищником. Жеребец угрожающе зафыркал, захрипел, заржал, встал на дыбы, начал бить копытом по мерзлой земле, показывая свою силу и готовность перебить хребет любому волку, который приблизится к табуну. Вожак не отступил, он продолжал спокойно стоять перед буйным жеребцом и пристально смотреть прямо в глаза грозному противнику. Остальные волки в это время, низко опустив головы, гуськом, не спеша, начали подкрадываться к табуну.

Жеребец до последнего старался сдерживать табун, но лошади не выдержали, когда увидели перед собой огромную стаю, которая подкрадывалась к ним. Они шарахнулись в сторону и в панике помчались по склону. Не подкованные копыта лошадей скользили, они падали на ледяном склоне, снова вскакивали и продолжали бежать, не разбирая дороги и не видя перед собой пути спасения.

Волки же легко бежали по покрытому ледяной коркой снегу. Они без суеты, сменяя друг друга, преследовали лошадей, пытаясь отделить хромую кобылу от табуна. Теперь каждый волк выполнял свою заранее определенную роль в стае. Несколько матёрых волков начали отвлекать жеребца, не давая ему собрать кобылиц в косяк, пока остальные продолжали преследовать табун.

Наконец, волкам удалось отделить несчастную кобылу. Охота нагоном началась. Волки гнали ее в сторону Вожака и Белой Волчицы, которые уже спешили наперерез жертве.

Волки почувствовали, что хромая кобыла начала уставать, и при каждом удобном случае старались впиться острыми клыками в жертву. Сбитые твердым настом копыта лошади и порванная в нескольких местах шкура на паху кровоточили. Запах крови доводил волков до безумия, и они, возбужденные близкой добычей, визжали от нетерпения, и еще с большим остервенением преследовали жертву.

Ужас охватил несчастную лошадь, она мчалась навстречу своей гибели и силы постепенно покидали бедную кобылу. Волки почувствовали ее слабость, вплотную приблизились к лошади и попытались окружить ее. Кобыла из последних сил взбрыкнула, отбиваясь от наседающих хищников, и под ее копыта попал неопытный переярок. Перевернувшись несколько раз в воздухе, волк упал на снег, и, еще не осознав, что смертельно ранен, попытался вскочить, но задние лапы его не слушались. Перебитый хребет парализовал половину тела, но волк, все еще находясь в пылу преследования, рванулся вперед, но ему удалось только на пару шагов проташить по земле свое уже безжизненное тело. Он снова упал, и через затуманенные болью глаза успел разглядеть, как вышедший наперерез Вожак, точно рассчитав прыжок, бросился на кобылу. Челюсти волка сомкнулись на горле несчастной жертвы. Кобыла споткнулась и упала, попыталась вскочить, но мертвая хватка Вожака удержала ее на земле, и тут уже вся стая набросилась на жертву. Дикий предсмертный крик погибающей лошади эхом отразился от близлежащих холмов.

Для переярка его первая охота стала последней. На следующий день табунщики найдут околевшего волка, он, слегка запорошенный снегом, лежал недалеко от останков несчастной кобылы. Еще одна драма разыгралась в природе, но она не нарушила естественного равновесия. Наоборот, послужила средством сохранения и продолжения другой жизни. А в оправдание волков можно сказать, что они выбрали больную и слабую лошадь, шансы на жизнь у нее были ограничены. Но вряд ли этим можно оправдать хищников.

Только луна стала свидетелем трагедии, которую не в силах была предотвратить.

ДВЕ СТАИ

Вожак, низко опустив лобастую голову, осторожно пробирался вдоль лесной опушки, а вслед за ним шла Белая Волчица с прибылыми волчатами. Подгоняя их, спешили переярки, и чуть позади матёрые волки замыкали большую стаю.

Осенью по чернотропу²² Вожак и Белая Волчица вывели прибылых волчат на первую осеннюю охоту, сегодня для них должна открыться еще одна страница Великой книги природы.

Стая осторожно продолжала свой путь, досадуя на сороку, которая уже сообщила всем, что волки вышли на охотничью тропу.

Волки не очень любили лесную чащу, здесь каждый шаг стаи был известен ее обитателям, а в снежную зиму сугробы толстым слоем закрывали волчьи тропы, и они становились непроходимыми. Поэтому волки редко укрывались в лесных дебрях.

На степных просторах волки чувствовали себя в безопасности. Небольшие березовые колки и овраги служили им укрытием, там после удачной охоты хищники днем отсыпались на лежках. Ночью волки становились полноправными хозяевами степных просторов.

Пока снега не было, волки чувствовали себя в относительной безопасности, они знали, что гонная охота начнется только с первым снегом — по пороше, и сейчас вечный страх перед человеком — хозяином природы был на время приглушен.

Этой ночью волчья стая, как обычно, вышла на ежедневный обход своих охотничьих угодий. Волки медленно шли вдоль небольшой речушки, по пути помечая границы своих обширных владений. В поисках добычи они заглянули в замерзшие болота, летом здесь обитали лоси, которые среди заросших кустарником и камышом островков прятали от чужих глаз лосят. Волки рыскали среди чахлах берез, обнюхивали каждую кочку, пытаясь найти следы, но лоси с первыми заморозками ушли в леса.

Разочарованные и голодные волки продолжили свой путь среди невысоких холмов, которые образовали своеобразную береговую линию вдоль небольшой речки под названием Удряк, впадающую через несколько десятков верст в полноводную и быстрюю реку Дим.

Вожак с Белой Волчицей пришли на эти свободные земли несколько лет назад и с тех пор чувствовали себя здесь полновластными хозяевами. Белая Волчица,

---

²² Чернотроп (чернотоп) — летний путь; осенние холода без снега; пора самых темных ночей.

благодаря не только своему окрасу, но уму и хитрости не раз спасала волков от охотников. Она сумела сохранить семейную стаю. С каждым годом стая становилась многочисленней, с каждым годом ее владения расширялись. Не раз волки вступали в смертельные схватки с соседями за новые охотничьи угодья и в этой кровавой войне всегда выходила победителями. Чаще всего, как только появлялась большая стая Вожака и Белой Волчицы, другие волки спасались бегством. Навсегда оставив охотничьи угодья, уходили искать счастье на чужбине...

* * *

В эту же ночь группа вооруженных всадников осторожно пробиралась вдоль реки к селению.

Копыта лошадей были обмотаны тряпьем, чтобы скрыть топот подков на мерзлой земле. Так поступают лихие люди — разбойники, только они, скрытно, со злыми намерениями могли подкрадываться ночью к селению. Время от времени лихие люди появлялись в этих краях.

Головы у всадников были укутаны тряпьем, надвинутые на лоб шапки и башлыки прятали глаза то ли от холодного ветра, который, высекая слезу, дул прямо в их лица, то ли из-за боязни быть узванными во время воровства.

У каждого за спиной в чехлах спрятаны ружья. Чехол не только предохранял спину во время длительных переходов, но, самое главное, позволял держать порох сухим, что исключало осечку ружья при встрече с врагом или хищником.

Разбойники тихо переговаривались между собой, они явно опасались быть замеченными людьми. В другое время можно было подумать, что охотники, вооруженные ружьями, вышли на ночную охоту. Но эти всадники были не охотники, а конокрады из знаменитой деревни Агарды, промышленявшей торговлей лошадьми. Агардинцы воровали коней у башкир-минцев, угоняли табуны вниз по Идели и там продавали.

Они вышли на разбой и рассчитывали, что после того, как умыкнут лошадей, сумеют, запутав следы по чернотропу, безнаказанно уйти от преследователей. И выбрали они время для разбоя, когда большинство башкир ушли на войну и в селениях остались одни старики да безусые юноши. Но разбойники знали, что и старики — опытные воины, не раз участвовавшие в войнах, а юноши, с раннего детства владевшие оружием, могли дать достойный отпор.

В отличие от волков, конокрады не удовлетворялись одной лошадью, весь табун становился их добычей. Разбойники были хуже волков, потому что не было у них чувства насыщения. В отличие от хищников, они не знали меры, брали все, что попадалось в их грязные руки. Жестокие и расчетливые, они приносили окружающим много бед и ради наживы шли на самые тяжкие преступления. Конокрадов ненавидели, и если кто из них попадался на воровстве, то самосуд над ними был быстрым и жестоким. Воры боялись встречи с людьми и не рассчитывали на пощаду, поэтому они, как волки, тайком пробирались вдоль берега реки.

Этой ночью пути двух стай — волков и разбойников — должны были пересечься. И они, пока не подозревая об этом, двигались навстречу друг другу.

Холодный ветер дул разбойникам в лицо, он же принес с собой запах волков, кони под всадниками заволновались. Разбойники моментально вытащили ружья, готовые, не задумываясь, пустить их в дело. Испуганные кони, до сих пор нервно перебирающие копытами, подчиняясь узде, замерли. А волки, идущие с

подветренной стороны, продолжали медленно подниматься на холм, не зная о смертельной опасности, поджидающей их с обратной стороны. Только полная луна наблюдала с высоты за разыгрывающейся на земле драмой, но не могла вмешаться и предотвратить трагедию. Ей оставалось только освещать последний путь стаи и стать свидетелем трагических событий.

Вожак, а следом и Белая Волчица почти одновременно появились на вершине холма, и тут же треск выстрелов прорезал ночную тишину и эхом отразился в близлежащих холмах. Пули ударили с такой силой, что волков отбросило в ложбину. Смертельно раненая волчица попыталась вскочить, но силы покинули ее, и прежде чем ее взгляд окончательно потух, она успела разглядеть, что раненый Вожак, завизжав от боли, закрутился на месте. Тут на вершине холма появились всадники, несколько пуль ударились о мерзлую землю рядом с Вожакom и со свистом отлетели в сторону. Вожак, спасаясь от выстрелов, бросился в темноту. Прихрамывая от боли, он бежал вслед за волками, которые еще раньше, испуганные выстрелами, растворились в тени близлежащих холмов. Волки бежали, подчиняясь вечному страху перед человеком, стремясь уйти подальше от смертельной опасности.

Вожак же, отбежав на безопасное расстояние, остановился и с удивлением обнаружил, что рядом не было Белой Волчицы. Он тяжело дышал и напряженно вглядывался в темноту, широкие ноздри втягивали воздух, пытаясь уловить родной запах. Он сделал шаг вперед, но проклятая пуля пронзила острой болью его тело, он заскулил и зубами впился в шкуру, пытаясь вытащить свинец из своего тела. Перебирая зубами, он искал пулю, словно блоху, которая по капле пила его кровь. Наконец, ему удалось ухватить клыками свинец и вместе с шерстью вырвать его. Пуля ударилась об лопатку, раздробив кость, отскочила и застряла в складках шкуры.

Будь стрелок точнее, то мучения волка закончились бы, и он лежал бы сейчас рядом с мертвой волчицей. Но Вожаку еще придется пожить и помучиться.

Вожак облизывал рану, стараясь унять боль. Через некоторое время он, пошатываясь на трех лапах, медленно побрел назад в поисках Белой Волчицы.

Он нашел ее в ложбине, куда волчица была отброшена пулей. Волк осторожно приблизился к ней, стал облизывать ее раны, толкал волчицу, пытаясь расшевелить уже застывшее тело. Он скулил и просил ее проснуться.

Вдруг шерсть на загривке Вожака вздыбилась, страшный оскал превратил его в грозного зверя, послышалось глухое рычание. Волк учуял незнакомый запах, оставленный человеком.

Один из всадников, который удачным выстрелом убил волчицу, соскочил с коня, чтобы забрать свой трофей. Но предводитель бандитов, раздосадованный поднятым шумом, приказал оставить волчицу в покое. Он развернул лошадь и объявил, что нужно уходить, пока не появились здесь встревоженные выстрелами люди.

Разбойники решили отложить воровство до лучших времен. Кто-то пытался возразить, что не сегодня, так завтра пойдет снег, тогда они точно останутся без добычи. В бесснежную ночь и по чернотропу никто не сможет их выследить. Вожак разбойников и сам понимал, что теперь самое время для воровства, но боязнь встретиться с людьми после поднятого шума заставила его отложить дела. Разбойники развернули коней и растворились в темноте.

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Волк скулил, толкал волчицу, пытался поднять ее, облизывал ее раны, но она не шевелилась. Тогда вожак завыл. Конокрады, услышав душераздирающий вой, вздрогнули от страха: это был жуткий плач одинокого волка. Вожак выбирает свою волчицу один раз и на всю жизнь. После гибели волчицы вожак, совершенно равнодушный к жизни, обычно покидает стаю.

Стая под утро вернулась к Вожаку, но он, равнодушный ко всему, лежал рядом с волчицей. Волки расположились неподалеку. Наступила ночь, а вожак все лежал и пристально смотрел на Белую Волчицу. Волки терпеливо ждали, когда Вожак поведет их на охоту. Так прошло несколько дней. Наконец, голодные волки заволновались, матёрые подходили к вожаку, но он не обращал на них внимания. И скоро среди волков начались беспричинные драки, матёрые начали нападать на переярков, испуганные призывные волчата попрятались среди кустарников и с ужасом наблюдали, как между волками вспыхивали ожесточенные схватки. В конце концов, волки покинули своего вожака, а он по-прежнему лежал и немигающим взглядом смотрел на Белую Волчицу.

Через несколько дней снова появились всадники, на этот раз переменчивый ветер принес издалека запах разбойников. Вожак из множества запахов отличил один, тот самый ненавистный запах убийцы, который опрометчиво оставил свой след рядом с Белой Волчицей.

Волк напрягся и глухо зарычал. Глаза волка засверкали ненавистью, он припал к земле. Прижатые уши, злобный оскал, обнаженные острые клыки не оставляли никаких шансов убийце, который пока еще не знал, что за холмом затаился хищник, полный злобы и мести.

А разбойники тем временем, словно темные тени, гуськом пробирались вдоль реки к селению. Они радовались тому, что все еще не было снега, да и полная луна на время спряталась в облаках. По всем признакам было видно, что скоро пойдет снег, который закроет все вокруг белым чистым покрывалом, но пока темная бесснежная ночь была союзницей разбойников. Копыта лошадей были снова замотаны тряпками, чтобы заглушить цокот подков по мерзлой земле. Они спешили за чужим добром и радовались тому, что, пока не выпал снег, сумеют, не наследив, умыкнуть чужое добро. Иначе не избежать им расправы.

Один из всадников вдруг вспомнил, как здесь в прошлый раз он удачно подстрелил волчицу. Кто-то возразил, что они уже давно проехали это место, но всадник решил доказать всем, что за этим холмом лежит его трофей. Взмахнув плеткой, всадник исчез за высоткой, и в тот же миг рычание зверя и страшный душераздирающий крик человека разрезали ночную тишину.

Яростный звук борьбы, отчаянный крик призывающего на помощь человека и испуганная лошадь, выскочившая из-за холма без всадника, наконец, вывели бандитов из оцепенения. Дрожащими руками они суетливо вытащили ружья из чехлов и, поднявшись на холм, увидели тень волка, мелькнувшего в сумерках, и человека, стоящего на коленях. Одной рукой он держался за горло, другой отмахивался от кого-то невидимого и страшного. Внезапно его тело обмякло и он рухнул на землю рядом с околевшей волчицей. Люди соскочили с коней и подбежали к нему, но тот был уже мертв, только из страшной раны на шее продолжала сочиться черная кровь. Испуганные люди беспокойно вглядывались в темноту, опасаясь нападения волков, несколько человек суетились рядом с погибшим.

Тут сквозь облака пробилась луна и осветила всю округу. На вершине седлого холма огромный волк завыл на луну так жутко и страшно, что не только разбойники, но и люди в ауле застыли в суеверном страхе.

Разбойники ускакали прочь от проклятого места, они снова остались без добычи, но каждый из них знал, что больше в эти края никогда не вернется.

А волк все продолжал свой жуткий вой, это был не призывный клич вожака, собирающий стаю на охоту, а плач обреченного на гибель одинокого волка. Он взывал к равнодушной природе без всякой надежды на помощь, и только луна проявляла сочувствие к несчастному, терпеливо слушая его последний плач. Волк, растроганный участием, изливал накопившуюся тоску, рассказывая о короткой, полной опасностей, но свободной волчьей жизни.

* * *

Скоро деревья сбросят яркую многоцветную красоту, холодный сырой ветер оборвет последние листья. Лес вдруг посереет и, весь темный, застынет в ожидании зимы, мечтая, когда же все-таки снег укутает деревья белым покрывалом.

И только тогда, когда пойдет снег, деревья успокоятся и перестанут шуметь под холодным ветром. Они в полудреме будут наблюдать, как лесная опушка со старыми пеньками и с муравейником на краю под елью постепенно скроется под снегом. Белое безмолвье опустится на темную землю. В этой сказочной сонной тишине вдруг, нарушая лесной покой, треснет от холода сук, и тут же сойка-пересмешница поднимет шум, она громко и тревожно заверещит, а за ней сова заушает с одышкой — глухо и прерывисто. Деревья, сбрасывая дремоту, встрепенутся, а когда увидят одинокого волка на поляне, успокоятся и снова погрузятся в зимнюю спячку.

Вожак вдруг забеспокоился, он как будто очнулся после долгого сна, стряхнул с себя снег и с удивлением осмотрелся вокруг, не узнавая преобразившуюся природу.

Луна в это время спряталась за облаками, но вокруг было светло. Но этот холодный свет, отражаясь от снега, не оставлял даже смутных теней, а деревья, словно призраки, продолжали равнодушно стоять в этой тишине.

Вожак тихо заскулил, уткнулся влажным носом в холодный бок волчицы и слегка толкнул ее. Он все еще надеялся, что волчица вдруг проснется, стряхнет с себя снег и, как прежде, оскалившись белыми клыками, улыбнется, и они вместе, поднимая вокруг себя кучу снега, помчатся по степным просторам, и никто не сможет их остановить. Но волчица молчала. Волк в отчаянии снова заскулил, а потом завыл от бессилия жалобно и обреченно.

Это был последний плач одинокого волка...

А снег все падал и падал, укутывая волчицу белоснежным саваном.

* * *

Весной, когда растает снег, Старец найдет место, где погибла Белая Волчица. Рядом с ней, положив на ее спину лобастую большую голову, лежал уснувший вечным сном Вожак. Старец похоронит их вместе на одном из безымянных холмов на берегу живописной реки. А вечером у костра будет долго рассказывать детям эту быль о Вожаке и Белой Волчице...